

Karlova V. O. Grammatical Transformations as a Way of Adequate Reproduction of the Ukrainian Language of Impersonal Forms of the Verb in English.

The article deals with the impersonal forms of the verb, in particular, the relationship between semantics and their functioning in the structure of the sentence in the English and Ukrainian languages. The use of various impersonal forms has been analyzed in each of the languages, the common cases of functioning of impersonal verbs have been compared as well as various related grammatical-syntactic unit of the English and Ukrainian languages, as well as the national language picture of the world media in English and Ukrainian languages. The grammatical transformations have been suggested as an adequate method for translation of impersonal forms of verbs of English in the Ukrainian language.

Keywords: *impersonal forms of the verb, the grammatical transformation, pictures of the world, adequate way of translation.*

Карпенко У. А.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

**ОТОБРАЖЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО СМЫСЛА
ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАФОРМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ**

В статье рассматриваются языковые механизмы сохранения и преобразования древних смыслов в диахронии. Индоевропейская праформа предстаёт не начальной, но наиболее древней доступной экспликацией смыслов, поиск и изучение которых позволяет реконструировать некоторые фрагменты картины мира и осознать последующую мотивацию значимости её элементов в сознании носителей разных языков.

Ключевые слова: *картина мира, смысл, значение, трансляция, трансформация.*

При изучении разных языков и познании духа народа, о котором говорил ещё В. фон Гумбольдт, человек осознанно или подсознательно фиксирует сходные смыслы в своём родном языке и в новом, познаваемом, даже если последний не является родственным. Очевидно, это происходит в результате того, что реципиент, проникая в иную картину мира, нащупывает в ней смыслы, уже имеющиеся в его родном мировидении. Такая универсальная концептуализация происходит, с одной стороны, в результате сходных ментальных процессов, происходящих в сознании носителей разных языков, а также ввиду наличия универсальных смыслов, которые идут из глубокой древности и, перевоплощаясь посредством трансформации значений, реализуются в разных языках. Эти смыслы, очевидно, выходят за пределы индоевропейского ареала.

Механизмом трансформации значений выступают метафора и метонимия, они свойственны человеческому мышлению и выступают тем инструментом, посредством которого в языке закрепляется новый, познанный элемент действительности. Так, в процессе языкового познания осуществляется осмысление нового, оно закрепляется в слове, которое предстаёт материально выраженной формой экспликации древнейшего смысла. Такие слова возможно обнаружить на разных синхронных срезах, в диалектах, которые, по наблюдениям П. Е. Гриценко и Б. Мильорини, хранят историческую информацию в большей степени, чем литературный язык.

Экспликации древних смыслов прослеживаются и на синхронном срезе языков. Выявление того, что из глубокой древности дошло до современности, отображает ценности и элементы бытия, актуальные для древних носителей, а также, в определённой мере, представляет этап языкового познания. Собственно, называет то,

что стало предметом, на основании которого создан образ при метафорических и метонимических переносах.

Реконструкция универсальных смыслов, закодированных в древних формах, является актуальной задачей современного языкознания.

Эти смыслы предстают базовыми элементами картины мира, теоретические основы которой разрабатывались Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В. В. Колесовым, Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, Ю. С. Степановым, В. Н. Телией. Совмещение исторического и культурологического неизменно прослеживается в научной концепции метода Ю. С. Степанова, а также многих учёных, работающих в русле когнитологии (М. И. Агиенко, О. А. Араповой, Ю. С. Воркачёва, Р. М. Гайсиной, В. Б. Гольдберг, В. И. Карасика, С. С. Катуква, Е. А. Мошиной, М. В. Пименовой, С. Г. Шурмы).

Цель статьи – проследить трансляцию древнего смысла и механизмы его трансформаций с последующим закреплением в конкретных словах разных языков.

А. Вежбицкая, изучая цветовые обозначения и их понимание носителями разных языков, говорит о том, что свойство “видеть” универсально, а то, что собственно видят – специфично (один и тот же цвет воспринимается по-разному разными носителями языка).

Так, в составе антропоцентрической модели картины мира возможно констатировать наличие универсального смысла ‘говорить (призывать)’ (использовать голос с ментально значимой целью). Условно, в методических целях исследования, этот смысл возможно обозначить праформой, представляющей собой индоевропейский корень *gol- (*gal-) – звучать, издавать звук. Из неё транслируется смысл ‘звука, наполненного смыслом призыва’, этот смысл проходит сквозь века и проявляется в языковой ткани на разных синхронных срезах в разных языковых пространствах. Эта индоевропейская фиксация отнюдь не стартовая точка, это лишь наиболее древний этап, доступный историку.

Обратимся к выявлению вербализаций данного смысла. В русском языке он проявился в слове колокол. Общеславянское по происхождению, оно восходит к *kolkoľ, удвоению звукоподражательного корня *kol-, ol, которое между согласными изменилось в -оло-. В старославянском данное слово было клаколь. Такое же удвоение наблюдается в древнеиндийском kala-kalas – беспорядочный шум, крики, литовском *kalkalas – колокольчик, латышском kalada – крик. Этот же корень без удвоения наблюдается в латинском calāere – восклицать, созывать, греческом kaleō (καλέω) – зову, древневерхненемецком hellan – звучать, выступает глухим вариантом корня гол- (глагол, голос). Однокоренным является слово “календарь” [5, с. 518; 8, с. 207; 9, с. 205–206]. С другой стороны, литовское слово с носовым согласным соответствует древнеиндийскому “обруч, кольцообразное украшение” и литовскому “гусли”. Русское *колокол* в значении “головной убор странника” употреблялось в былинах: возможно, оно сблизилось с этим словом только в результате народной этимологии и подражает греческому, в связи с чем присутствовало также аналитическое описательное наименование “шляпка земли греческой” [7, с. 294].

Слово *календарь* в русский заимствовано из латинского через польский *kalendarz* [7, с. 166]. Этимологически *календарь* обозначает перечень календ. Календа, в современном итальянском – *calendae*, происходит от глагола *calare* – звать, имеет соответствия в греческом *kaléo* (καλέω) – я зову, в санскрите: *kalas* – то, что звучит глухо, восходит к корню *kal- – издавать звуки [12, с. 173].

По наблюдениям Б. М. Гранде, этот корень с семантикой “звук” прослеживается в иврите *qōl* – “звук”, арамейском *qālā*, эфиопском *qāl*, аккадском *qīlu*, арабском *qaul-un* “слова”, “речь” [4, с. 52].

В латыни календарь образовано при помощи суффикса *-āgium* со значением “вместилище чего-либо” от *calendae* – созыв, которое восходит к глаголу *calāre* – звать. Существительное *calendae* возникло с традицией торжественно созывать календы, когда жрецы в древнем Риме объявляли народу о наступлении первого дня нового месяца. Однокоренным является слово коляда – “рождественская обрядовая песня”. Слово *календарь* было заимствовано в средние века, когда закон открытого слога уже не действовал активно, в результате чего *ep* сохранилось без изменения, в то время как в слове “коляда”, которое было заимствовано в начальный период общеславянской эпохи, сочетание *ep* преобразовалось в носовой / *ę* /, у восточных славян давший / 'а /, графическое я [8, с. 184].

Старый юлианский календарь (от Юлия Цезаря) был реформирован папой Григорием XIII и преобразован в грегорианский календарь, в котором было удалено 10 дней с 4 октября 1582 по 15 октября, чтобы восполнить опоздание солнечного календаря по отношению к юлианскому строю. Во избежание подобной ошибки в будущем было принято решение учитывать високосные года [12, с. 172]. Високосный – каждый четвёртый год, содержащий 366, а не 365 дней за счёт 29 вместо 28 дней в феврале. Название происходит от искажённого латинского *bissexstus* – дважды шестой, то есть год с двумя шестыми числами перед мартовскими календами в летоисчислении древних римлян [2, с. 133].

В современном испанском языке однокоренное слово *calendas* от латинского *calendae* с пометой исторического, словарная форма которого представлена во множественном числе, функционирует как фразеологически связанное: “*dejar para las calendas griegas*” отложить до греческих (или грегорианских – по совпадению в звучании) календ, откладывать в долгий ящик [1, с. 200]. В испанском языке слово *calendas* фиксируется с 1295 г. в значении “первый день каждого месяца”, давшее “период времени”, “то время” [10, с. 99].

Опираясь на приведённый факт соответствия латинского *calāere* древневерхненемецкому *hellan* – звучать, глухому варианту корня гол- в русском глагол, голос, можно сделать вывод о том, что однокоренным предстаёт также слово современного английского языка *to call* – глагол “звать” (звонить по телефону), восходящее к староанглийскому *ceallian*, соотносящемуся с древнесеверным *kalla*, старославянским *glasŭ* – “голос” [11, с. 229].

Однокоренным является слово современного итальянского языка *chiamare* – “звать, звонить по телефону”, восходящее к латинскому *clamare* от темы **clama*. Корень **kla-* присутствует также в *calere* (*calende*), в греческом *kaléo* (*καλέω*), в германском, славянском, индийском ареалах. К этому же корню восходит итальянское слово *chiesa* – “церковь”, от латинского *ecclesia*, от греческого *ekklesia* (εκκλησία) – “ассамблея, собрание”, от того же корня **kla-*, что и в *clamare* [12, с. 211, 212]. От указанного корня образовано испанское существительное *iglesia* – “церковь”, происходящее от существительного народной латыни *eclisia*, которому соответствует классическое латинское *ecclesia* [10, с. 308].

Общеславянское *голос* имеет характерное для восточнославянских языков полногласное сочетание -оло-. Праславянское **golŝ* “голос” образовано с помощью предметного суффикса -s-о от звукоподражательного индоевропейского корня **gol-* (**gal-*) – “звучать, издавать звук”, ему соответствуют литовское *garsas* (*gar-sa-s*) –

“звук, шум” со словообразовательным элементом *-sa-* из **-so-* ; (г : л); древнесреднегерманское *kals* (k < g) – “требование”, современное немецкое *gellen* – “резко звучать”, английское *call* (с < g) – “зов, оклик” [6, с. 27; 8, с. 105].

Глагол со значением “речь” был заимствован из старославянского языка. Он образован при помощи сложения удвоенного звукоподражательного комплекса гол. В **gol-golъ* в результате развития неполногласия *ol > ла* [9, с. 104]. Таким образом, наблюдается редупликация **gol-golъ* как **kol-kolъ* в слове *колокол*.

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, обнаружение общеиндоевропейских слов, обозначающих музыкальные инструменты, могло бы служить указанием на то, что обрядовые песнопения исполнялись обычно при музыкальном сопровождении. Одним из таких слов является, в частности, индоевропейская форма **g[h]olg[h]ol-*, хеттское *galgalturi-*, обозначающее “цимбалы” или определённую разновидность ударных инструментов и сопоставимое этимологически с древнеиндийским *gárgara* – “музыкальный инструмент” и с общеславянским **golgolъ* “слово”, “речь”, “звучание”, что даёт основания предположить для общеиндоевропейского редуплицированную основу **g[h]olg[h]ol-* (возможно, звукоподражательного характера) в значении некоторого музыкального инструмента [3, с. 837].

Корень **gol-* (**kol-*), очевидно, является ономатопеическим по происхождению и транслирует смысл звука. Изначально звука, не наполненного содержанием, подобно глухому крику или звону колокола. Далее, очевидно, звук стал использоваться в качестве знака созыва слушателей, в результате чего произошёл метонимический перенос действия (звать) на предмет, реалию, его производящий, – колокол, голос. Посредством метонимии *potina loci* возникло значение “место созыва, собрания”, далее – “место культовых встреч” – церковь. Затем метонимические переносы устремили развитие значений в разных направлениях. От переноса *созыв* – его функция (сообщить о начале месяца) возникло значение “календарь” – список дней месяца, а от метафорического подобия *созыв* – “звук, наполненный смыслом”, появилось значение “связной речи (глагол), зова” *call*, и с возникновением современной техники в английском возникло значение “телефонный звонок” и подобные ему, связанные с действием аппаратов.

Дальнейшее изучение семантических трансформаций возможно на материале толковых словарей каждого из представленных языков. Ввиду ограниченности объёма статьи эти разыскания не приводятся. Очевидны этапы методологического алгоритма поиска реализаций древних смыслов:

1. Определить смысл, реализованный праформой под астериском. Документировать праформу (в нашей работе – индоевропейскую, приводящую в единообразии диахронический аспект исследования). Атрибутирование праформы говорит не об истоках универсального смысла, а о наиболее древнем срезе диахронии, на котором нам доступны знания о нём. При выявлении праформы определяется заложенный в ней смысл. Трансляция этого смысла выступает той энергией, что связывает трансформации значений.

2. Выявить трансформации значений указанной праформы, которые материально выражены в словах, репрезентирующих разные языковые картины мира.

3. В семантической структуре слов определить общие, первые денотативные (а возможно, и последующие коннотативные) значения.

Стопроцентное выявление всех вербализаций невозможно в силу отсутствия знания всех языков. Также невозможно абсолютное выявление всей культурной

інформації. При всей тщательности исследования возможно нахождение или расшифровка новых источников, незнание о которых не снижает концептуального содержания того или иного древнего смысла, дошедшего до современного состояния языка. Новая информация может быть в виде глобального открытия подобно тому, как был открыт санскрит, либо надписью на стенах древнего храма или на археологической находке, что, в свою очередь, вновь подтвердит существование того или иного смысла, который уже был выявлен, либо натолкнёт на мысль о существовании ещё какого-либо смысла, также распространяющегося в трансформациях значений.

Глобальным выводом является то, что такие древние смыслы есть. Они продолжают свой путь в разных языках на разных этапах их развития.

Выявление этих смыслов с точки зрения теории языка интересно и перспективно, поскольку отражает механизмы языкового познания, номинации (сфера поиска историка) и дальнейшей концептуализации познанного (сфера поиска когнитолога); с точки зрения практики, выявление трансформации значений способствует параллельному изучению нескольких неродственных языков.

Л и т е р а т у р а

1. Большой испано-русский словарь / Л. М. Калво – [2-е изд.]. – М. : Эспаньол, 1997. – 861 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / [сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 1998. – 1535 с.
3. *Гамкрелидзе Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Т. 2. – 1328 с.
4. *Гранде Б. М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков / Б. М. Гранде. – [2-е изд.]. – М. : “Восточная литература” РАН, 1998. – 441 с.
5. Етимологічний словник української мови : в 7 т. / [редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін.] // АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – К. : Наук. думка, 1985. – Т. 2: Д – Копці. – 570 с.
6. *Мейе А.* Общеславянский язык / Антуан Мейе. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1951. – 491 с.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. II (Е–М). – 671 с.
8. *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Радянська школа, 1970. – 597 с.
9. *Шанский Н. М.* Краткий этимологический словарь русского языка : пособие [для учителей] / Н. М. Шанский [и др.] ; [под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова]. – [3-е изд., испр. и доп.]. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
10. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines. – Breve diccionario, 2010. – 596 p.
11. Collins English dictionary. – [3d ed.]. – Harper Collins Publishers, 1991. – 1791 p.
12. Dizionario etimologico / [redazione Diego Meldi]. – [Edizione Aggiornata. Rusconi libri]. – Trento, 2005. – 1245 p.

***Карпенко У. О.* Відображення універсального смислу індоєвропейської праформи у сучасних мовах.**

У статті розглядаються механізми збереження та перетворення давніх смислів у діахронії. Індоевропейська праформа постає не як початкова, а як найбільш давня доступна експлікація смислів, пошук та вивчення яких дозволяє реконструювати певні фрагменти картини світу та зрозуміти подальшу мотивацію значущості її елементів у свідомості носіїв різних мов.

Ключові слова: картина світу, смисл, значення, трансляція, трансформація.

Karpenko U. A. Reflection of universal sense of the Indo-European Proto-form in the modern languages.

The article deals with language mechanisms of ancient meanings' maintenance and transformation in diachrony. The Indo-European Proto-form appears not as an initial, but the most ancient available explication of senses, its search and study allows to reconstruct some fragments of the world view and to realize the subsequent motivation of the importance of its elements in different language speakers' consciousness.

Keywords: world view, sense, meaning, translation, transformation.

Карпова Д. М.
Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова

МЕЛОДИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕЧИ ВАЛЛИЙЦЕВ

В данной работе исследуются просодические (в частности мелодические) характеристики речи жителей Уэльса – валлийцев. Произносительные особенности речи жителей Уэльса недостаточно изучены и требуют рассмотрения. Проведенное исследование показало, что речь валлийцев отличается разнообразием мелодического репертуара, с преобладанием в речи восходящего тона, что характеризует речь как оживленную и эмоциональную.

Ключевые слова: мелодический, компонент, произносительные особенности, речь валлийцев, восходящий тон, характеристики речи.

Языковая ситуация в Уэльсе, где произносительная норма имеет престижный “наддиалектный” статус, характеризуется рядом особенностей, которые связаны с историей захвата Англией кельтских территорий и распространением английского языка среди исконно кельтского населения, а также в связи с борьбой жителей Уэльса за признание их национальной идентичности, что проявляется в возрождении кельтских языков. С точки зрения лингвистики, исторические события на языковом уровне выражаются в тенденции к повышенной нормативности, а также в интерференции с кельтским субстратом. Современное положение представляет интерес для социолингвальных исследований, поскольку отражает изменение отношения к региональным вариантам произношения.

Валлийский язык является старейшим разговорным диалектом в Соединенном Королевстве, остается неотъемлемой частью общественной жизни и проявляется в речи жителей региона на английском языке.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения просодических особенностей англоязычной речи жителей Уэльса.

Цель статьи – выявление мелодических характеристик валлийского диалекта английского языка, проявляющихся в речи жителей Уэльса.

Задачи:

- идентификация методом перцептивного анализа мелодического репертуара в речи носителей валлийского английского языка;
- выделение наиболее употребительных мелодических моделей, определяющих специфику валлийской речи.

Материалом исследования послужили аудиоматериалы курса по фонетике различных вариантов английского языка. Общее количество дикторов – 6 человек (3 женщины и 3 мужчин, жители Уэльса, носители валлийского английского). Время звучания экспериментального материала около 20 минут.